

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

Н.В. Зайцева
У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ О СОЗНАНИИ:
ФРЕГЕ ИЛИ ГУССЕРЛЬ?

В статье на основании сравнения семантических концепций Г. Фреге и Э. Гуссерля демонстрируются преимущества когнитивно обусловленной концепции Гуссерля в перспективе развития современных наук о сознании. Первый раздел работы служит введением в проблематику. Во втором непосредственно осуществляется сравнительный анализ семантических взглядов двух немецких мыслителей на смысл и значение. В последнем разделе подводятся итоги исследования и обозначаются перспективы феноменологического обоснования когнитивных наук.

This paper provides relevant considerations in support for the claim that cognitively based Husserl's theory of meaning has several important advantages over that of Frege with respect to prospects for the development of modern science of consciousness. The first section serves as a broad introduction into the subject. In the second section, I compare semantical ideas of Frege and Husserl in what concerns meaning, sense and referent. In the final section, I summarize all the considerations and briefly observe further perspectives for phenomenological substantiation of cognitive sciences.

Ключевые слова: феноменология, смысл, значение, когнитивные науки, нейронауки.

Keywords: phenomenology, sense, meaning, cognitive sciences, neurosciences.

1. Введение: науки о сознании сегодня и завтра

Начало XXI века характеризуется бурным ростом наук о сознании, включающих когнитологию, когнитивную психоло-

гию, проект искусственного интеллекта, философию сознания и нейронауку¹. Этот рост обусловлен не только привлекательностью самого предмета, завораживающего мыслителей на протяжении всей истории человечества, но в большей степени стремительным развитием экспериментальных, естественнонаучных методов исследования сознания и мышления (Block 2014). Как следствие этого сегодня основной задачей науки о сознании становится согласование данных «от третьего лица» о функционировании мозга и субъективных свидетельств «от первого лица», или, в более привычной терминологии, — согласование эмпирических объективных данных исследований с личным, персональным опытом.

Наиболее авторитетными тенденциями в устранении этого «провала в объяснении («explanatory gap») оказываются восходящая к Фреге линия, подхваченная и развитая в философии сознания и аналитической философии, и берущая начало в феноменологии Гуссерля традиция, развивавшаяся в контексте континентальной философии. Так, скажем, авторы авторитетного «Введения в когнитивную науку», написанного в 1995 г (Stillings, 1995), характеризуют когнитивную науку как науку о сознании-mind, обращают внимание на ту важную роль, которая отводится в ней семантическим вопросам и, в первую очередь, трактовке смыслового значения (meaning)². При этом отмечается значительный вклад Фреге в формирование основ когнитивной семантики, состоящий в различении смысла и значения, формулировке принципа композициональности и построении логической семантики на основании условий истинности. Практически вся посвященная семантике глава этой книги

¹Здесь и далее я следую сложившейся традиции перевода названий дисциплин, хотя и отдаю себе отчет в том, что это может приводить к точностям, особенно в случае науки о сознании (science of consciousness) и философии сознания (philosophy of mind).

² Еще одна терминологическая трудность связана с использованием в англоязычной философской литературе термина «meaning». В зависимости от контекста, заданного философской позицией автора, он может быть переведен на русский как «значение», «референт», «смысл», «смысловое значение» и т.п. Ниже я буду либо использовать английское слово «meaning», либо словосочетание «смысловое значение».

написана в заданном еще Фреге подходе, что авторы объясняют его важностью и широкой представительностью в когнитивных исследованиях. Естественно усматривать в этом развитие восходящей еще к М. Даммитту тенденции рассматривать Фреге как отца-основателя лингвистической философии, понимаемой Даммиттом как философия, для которой лингвистический анализ в терминах смысла и значения является ключевым. В заключительном разделе своей книги 1973 г. о Фреге и философии языка (Dummett, 1973), озаглавленном «Место Фреге в истории философии», он очень убедительно показывает, что проблематика смыслового значения (meaning) составляет ядро любого философствования, а по отношению к словосочетанию «философия сознания» (philosophy of mind) «теория смыслового значения» (theory of meaning) просто выступает синонимом.

Проходит всего несколько лет и в изданной в 2006 г. книге с похожим названием «Когнитивная наука: введение в изучение сознания» (Friedenberg and Silverman, 2006) нет уже ни одного упоминания Фреге! Примерно в то же время выходит целый ряд книг (Schmicking and Gallagher, 2010), (Gallagher and Zahavi, 2008), (Stenning and van Lambalgen, 2008), в названиях которых явно анонсируется привилегированная роль феноменологии в науках о сознании, начинают издаваться ежеквартальный журнал «Phenomenology and the Cognitive Sciences» (с 2002 г) и электронный журнал «Phenomenology and Mind». Появляется множество любопытных дисциплин, таких как «натурализованная феноменология» (naturalized phenomenology, идея Dan Zahavi), «нейрофеноменология» (neurophenomenology, идея Francisco J. Varela) и т.п. А основоположник нейрофеноменологии Ф. Варела, анонсируя свой нейрофеноменологический подход, прямо провозглашает, что «так называемая трудная проблема [сознания]... может быть продуктивно рассмотрена только лишь путем объединения исследовательского сообщества, вооруженного полезным инструментарием, дающим возможность развивать науку о сознании» (Varela, 1996: 330).

Итак, на данном этапе развития наук о сознании, по крайней мере, применительно к континентальной традиции, оправданно говорить об устойчивой тенденции адаптации феноменологического подхода к изучению феноменов жизни сознания. Более того, в анализе непростой проблемы смыслового значения-meaning происходит постепенная переориентация с подхода Фреге на феноменологическую трактовку Гуссерля. Есть ли объективные основания у этой тенденции или это не более чем очередной виток научной моды? В чем же, если оно действительно есть, состоит преимущество феноменологической трактовки смысла и значения перед логической? Именно на эти вопросы я постараюсь ответить в данной статье.

2. Фреге и Гуссерль

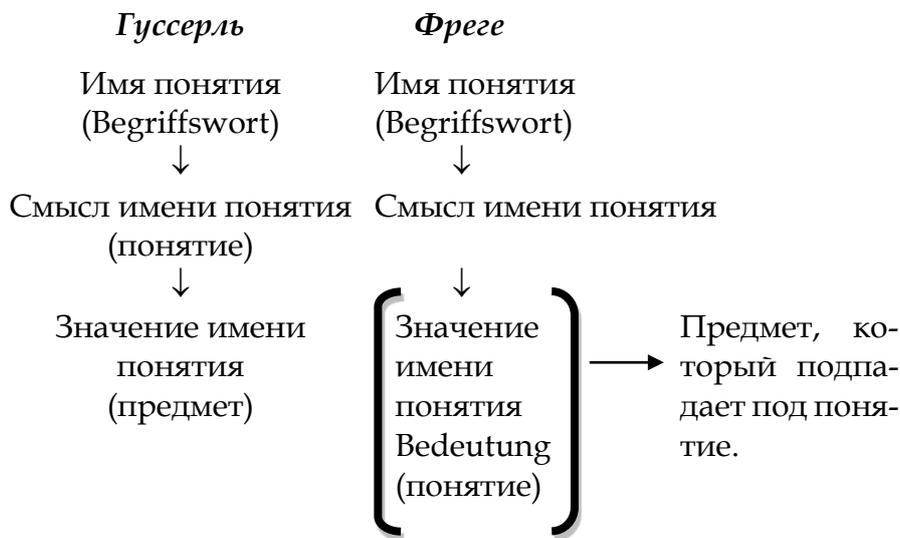
Сравнение взглядов Фреге и Гуссерля имеет достаточно долгую историю. Это работы Д. Фоллесдаля³ (Follesda, 1958), Дж. Мохенти,⁴ известные статьи Х. Дрейфуса, в которых он одним из первых заговорил о феноменологической перспективе для когнитивных наук, цикл работ Г. Кюнга (Kung, 1969), (Kung, 1972), великолепные статьи и книги Б. Смитта (Smith, 1978), (Mulligan and Smith, 1986), (Smith, 1994). Хотя по большей части эти работы относятся ко второй половине и концу прошлого века, нельзя сказать, что эта тема полностью исчерпана. Скорее, наступило время подведения итогов и переосмысливания полученных результатов. Примером такого осмысления является основательный сборник работ под названием «Гуссерль или Фреге? Смысловое значение, объективность и математика» (Ortiz and Haddock, 2003). Кроме того, обширное наследие Гуссерля продолжает публиковаться и дает новую пищу для исследователей. В этом отношении показательна статья П. Вандевелде (Vandavelde, 2008), написанная на материалах Гуссерлианы.

На первый взгляд, семантические подходы двух философов выглядят очень похожими, на что в частности обра-

³Имеется русский перевод статьи 1969 г. (Фоллесдаль, 1988)

⁴Начиная с (Mohanty, 1964) и вплоть до (Mohanty, 1988)

щал внимание еще сам Фреге, как это следует из его известного письма Гуссерлю от 24 мая 1891г. (Фреге, 1997: 154), в котором он отмечает сходство в их трактовке смысла (Sinn) и значения (Bedeutung) различных типов лингвистических выражений. Существенные и важные различия касаются лишь понятийных выражений. Их удобно, следуя Фреге, представить в виде сводной таблицы, объединяющей таблицы из его письма.

Первое *внешнее* различие этих семантических теорий состоит в том, что понятие Фреге рассматривает как значение имени понятия (понятийного слова), а Гуссерль считает понятие смыслом понятийного термина. Это различие представляется вполне очевидным, если принимать во внимание более глубинную разницу в мотивации и исходных философско-логических предпосылках обоих мыслителей.

Фреге, критикуя стандартную предикацию, основанную на выделении субъектно-предикатной структуры высказываний, стремится построить и семантически обосновать функциональный язык логики. Для него все лингвистические выражения являются знаками функций или аргументов, а на смену предикации приходит приложение функции к аргументу как операция, образующее высказывание из его частей. В этой конструкции понятийное слово

является знаком предметно-истинностной функции, а само понятие может занимать в схеме знак-смысл-значение только место значения.

В свою очередь Гуссерль, в отличие от Фреге, не проводил принципиального различия между именем собственным и общим именем, которое в схеме Фреге соответствует понятийному термину. Последнее просто обозначает не один, а множество предметов. Как справедливо замечает в том же письме Фреге, такая трактовка может приводить к нежелательным следствиям при анализе пустых понятийных терминов. По Фреге, под пустое понятие не будут падать объекты, но значение этого понятия не будет пустым. Сегодня мы сказали бы, что значение пустого понятия по Фреге, это предметно-истинностная функция, которая всем объектам из области определения ставит в соответствие значение «ложь». Фактически это означает лишь, что с помощью такого понятийного термина нельзя сконструировать ни одного истинного высказывания. Пустое же понятие Гуссерля действительно оказывается пустым, поскольку его значением будет пустое множество. Как замечает Фреге, такие термины должны быть исключены из науки в точности так же, как пустые собственные имена, которым не соответствует ни одного объекта.

Второе различие, по сути дела, связанное с первым, состоит в том, что Фреге на своей схеме стрелкой показывает еще один «шаг в сторону» от значения понятийного слова к предметам. Как поясняет сам Фреге, “последний шаг от понятия к предмету я обозначил как шаг в сторону, чтобы дать понять, что это происходит на одном и том же уровне, что предметы и понятия имеют одну и ту же объективность” (Фреге, 1997: 154).

Здесь, в первую очередь требует пояснения понятие объективности. Среди возможных интерпретаций термина «объективный» наиболее предпочтительной в данном контексте выглядит следующая: «объективный» следует понимать как синоним выражения «объект интенции». Думается, что именно такое понимание термина «объективность» больше соответствует контексту его употребления Фреге. Подтверждение этого можно найти в других работах Фреге.

Например, в работе “Смысл и значение”, когда он рассуждает о референции языковых выражений в терминах указания, интенции и т.п., а также в «Основаниях арифметики», где он определяет объективное как подчиняющееся закону, как то, что можно воспринимать и о чем можно судить, как то, что может быть выражено в словах. Таким образом, «иметь одну и ту же объективность», или, «объективную фактуальность» — иногда Фреге предпочитает такое выражение — означает принадлежать единой предметной области рассмотрения.

В область референции у Фреге попадут сущности различного рода. Это такие абстрактные объекты, как “das Wahre” и “das Falsche” — значения предложений, понятия — функции некоторого аргумента, и чувственно воспринимаемые предметы. Таким образом, и функции и предметы в равной степени объективны. Эта равноуровневая объективность проявляется еще и в том, что предметно-истинностную функцию, являющуюся значением понятийного термина, можно задать и через указание ее области истинности — той части области определения, которой функциональное отображение ставит в соответствие значение «истина». Область истинности понятийной функции и представляет собой множество предметов, подпадающих под понятие.

Гуссерль не менее последователен в своей теории, чем Фреге, но это иная теория, основанная на иных предпосылках, обусловленная иным прагматическим интересом. Он также прекрасно понимает, что возможны ситуации, когда выражение получает свой смысл, а следовательно, и направленность на некоторую точку, но соответствующего объекта не существует. Достаточно вспомнить соображения Гуссерля о “невозможностях” первого и второго рода, таких как “круглый квадрат” или “нынешний король Франции”. Всегда внимательный к критическим замечаниям старшего коллеги, он и в более поздних работах не изменил трактовки общих имен как обозначающих множества предметов. Для того, чтобы понять причину такого расхождения с Фреге, необходимо выявить теоретико-познавательные предпосылки, лежащие в основании двух теорий и обусловленные прагматическим интересом.

Гуссерля в первую очередь волнуют характеристики лингвистических выражений, обеспечивающие успешность коммуникации, а не истинность или ложность высказываний языка науки. Как он сам замечает во втором томе Логических Исследований (Гуссерль, 2001: 350) «если интендированный предмет не существует, то в феноменологическом отношении ничего не меняется. Для сознания данное в существе своем равнозначно, существует ли представленный предмет или он вымышлен и, возможно, вообще бессмыслен. Юпитера я представляю не иначе, чем Бисмарка...». Поэтому акцент Гуссерль делает на смысловой характеристике языка, лежащей в основе понимания. Он мало говорит об объекте или ситуации в действительности, поскольку они не участвуют в коммуникации, ведь мы оперируем смыслами, зато лингвистическому смысловому значению уделяет большое внимание. В его концепции лингвистические смыслы есть особого рода смысловые предметности, репрезентируемые знаком, то, что мы подразумеваем, имеем в виду, используя то или иное выражение языка. Язык, таким образом, является способом *выражения* смысла. В этом Фреге и Гуссерль были абсолютно солидарны. Но подобный подход имплицитно содержит идею о том, что мысль в некотором смысле опережает, первична по отношению к своему выражению. И эта «первичность» проявляется в семантике и Гуссерля и Фреге.

Фреге постулирует мир мыслей, объективных даже по отношению к языку, заслуживая у своих комментаторов упреки в платонизме. Гуссерль, разделяя точку зрения Фреге о независимости, первичности смысла по отношению к способу его выражения (языку), избегает платонизма, обращаясь к когнитивным основаниям смыслового значения выражения. Он вплетает объективные смысловые значения в ткань реального, темпорального события сознания — когнитивного акта означивания субъекта, причем субъекта исторического, социального. Смысловые характеристики знака (смысловые значения *Bedeutung*), таким образом не «висят в воздухе», непонятно откуда взявшись, а имеют генезис.

В «Логических исследованиях» Гуссерль строит семантическую концепцию смысла как когнитивно обусловленную. Прежде чем закрепиться за языковым выражением в качестве смыслового значения, особого рода подразумеваемой предметности, это значение должно конституироваться в когнитивном акте означивания. Благодаря этому Гуссерль различает лингвистический смысл и его когнитивный коррелят, то, что ему соответствует в акте.

Характеризуя когнитивный смысл через рассмотрение акта, Гуссерль использует термин *Sinn*, а для характеристики смыслового значения выражений он использует *Bedeutung*. Можно сказать, что таким образом Гуссерль различает когнитивный и семантический смысл. Когнитивный смысл Гуссерль пытается определить через идеальное содержание акта, рассматривая трехмерное пространство акта, состоящее из материи, качества и интуитивного содержания. При этом когнитивный смысл *Sinn* обуславливает лингвистическое смысловое значение *Bedeutung*. Семантическая смысловая характеристика *Bedeutung* Гуссерля может рассматриваться нами как своеобразная предметная проекция когнитивного *Sinn*, его предметная модель или коррелят.

Эта осмысленная (конституированная в смыслообразующем акте означивания) предметность мало чем отличается от подразумеваемой предметности (предметность — предмет интенции, понимаемый широко) *Bedeutung* Фреге. Отличие носит лишь внешний характер. Если учесть, что Фреге анализирует язык математики как уже сложившейся знаковой системы, осмысленные предметности *Bedeutung* Гуссерля естественно окажутся в референциальной области Фреге, так как являются предметным полюсом непрямого акта, направленного на само лингвистическое выражение.

Фреге использует *Bedeutung* как онтологическое понятие, которое служит для обозначения предметной области, того *что* подразумевается, что замещается знаком. Онтологический статус различных предметных (онтологических) сущностей в рамках этой области для Фреге не важен. Важно лишь одно — все они в равной степени объективны. Предметность и объективность всех сущностей *Bedeutung* у Фреге безусловно сближает его с Гуссерлем. Можно даже

сказать, что термин *Bedeutung* они употребляют одинаково, имея в виду одно и то же — осмысленную, «интендированную» *предметность*. Уместно напомнить здесь, что Фреге сам указал в письме к Гуссерлю на схожесть их взглядов на смысл *Sinn* и значение *Bedeutung* для различных типов лингвистических выражений.

Но есть и отличия. Главное отличие состоит в том, что Гуссерль строит семиотическую теорию на базе теории актов. При этом он рассматривает как не прямые акты, направленные на само лингвистическое выражение, где смысловая характеристика прямого акта («что» предложения или понятийного слова) оказывается на референциальном месте («о чем»), так и прямые, направленные на нелингвистические сущности. В связи с этим в семантике Гуссерля появляются объектные корреляты лингвистических смысловых значений, конституированных в актах, направленных на нелингвистические сущности.

У Гуссерля смыслообразующие акты надстраиваются друг над другом, акты более высокого уровня всегда фундаментированы актами более низкого уровня. Так акты суждения фундаментированы актами представления, направленными на объект. Таким образом, смысловые значения, конституированные в таких актах, в теории Гуссерля образуют иерархизированную систему, концептуальную сеть, в которой каждый элемент (единица) может рассматриваться с учетом акта осмысления и как референт и как смысл (смысловое значение).

Итак, различение референта и смыслового значения с учетом когнитивного акта, в котором это значение конституируется, во многом обуславливает использование Гуссерлем термина *Bedeutung* для характеристики смысловых значений лингвистических выражений (собственных имен и понятийных терминов), тех предметностей, которые подразумеваются *при направленности на лингвистическое выражение*. Именно такие акты понимания используются в коммуникации с самим собой или другим субъектом. Наше сознание направлено в этом случае на смысл речи в стремлении понять «что» сообщения.

В отличие от Фреге, которому было достаточно постулировать референциальную область *Bedeutung* с целью обоснования языка математики как сложившейся знаковой системы, Гуссерль, как уже было сказано, пытается когнитивно обосновать свои семантические понятия. Когнитивный аспект исследования семантики оказывается для него чрезвычайно важен. Рассматривая язык как универсальное средство коммуникации, он делает очень важный вывод о том, что смысловым значением выражение наделяет субъект, поэтому семантика языка когнитивно обусловлена и должна строиться с учетом исследования сознания. Внимание Гуссерля смещается на исследование сознания, того, что никоим образом не входило в планы Фреге. Сознание Гуссерль рассматривает как совокупность различного рода когнитивных актов. Понятие акта в феноменологии оказывается непосредственно связанным с априорной идеальной структурой сознания — интенциональностью. Акт рассматривается Гуссерлем как интенциональное событие сознания. С учетом того, что знак есть лингвистическое *выражение* когнитивного акта осмысления, имеющего темпоральную и пространственную структуру, семантическая двухмерность (различение смысловой и референциальной характеристики знака, характерное для Фреге и Гуссерля) становится очевидной и обоснованной. Двухмерность интенциональной структуры когнитивного акта означивания, которая обнаруживается в актах саморефлексии, проецируется на семантику языка. Всякий акт как *направленный на* может рассматриваться как двухполосный, имеющий субъектный полюс (откуда) и объектный (куда). Объектный полюс всегда имеет точечный характер, он лишь задает направленность акта, привлекает мое внимание. Это и есть та первичная предметная данность, которая обосновывается Гуссерлем через априорную интенциональную структуру сознания. В контексте интенциональности референт всегда есть нечто *пред-стоящее сознанию*, его необходимое условие. Так Гуссерлем реанимируется трансцендентный мир, но теперь он не противостоит сознанию как самостоятельная и независимая от сознания сущность, а является когнитивно обусловленным и интенционально обоснованным. Все это означает, что

для любого выражения (лингвистического оформления акта) мы можем поставить вопрос: что оно «говорит», какую мысль выражает и о чем это выражение. Объект, задающий направленность акта представления, акта, имеющего чувственное, интуитивное содержание, играет ту же роль в семантических построениях Гуссерля, которую играет «вещь сама по себе» в критике Канта.

Гуссерль сам, как мне представляется, хорошо осознавал идейное влияние своего великого предшественника. Именовав свой метод трансцендентальной феноменологией, он безусловно использовал термин «трансцендентальный» в смысле «критический». Развивая кантовские идеи, он в то же время пытается избежать психологизма Канта, стремясь к беспредпосылочности своей теории. Гуссерль неоднократно подчеркивал, что при различении смыслового значения — осмысленной предметности *Bedeutung* и его объектного коррелята никакого удвоения мира не происходит. Это может означать для нас лишь одно: различая смысловую и референциальную характеристики, мы говорим о разных сторонах интенционального объекта как сущности, которая конституируется в когнитивном акте, темпоральном событии сознания. Интенциональный объект, как становящийся, реализуемый в темпоральном акте сознания, обретает внутреннее двухмерное пространство, позволяющее рассматривать его в процессе становления и со стороны объекта — точки внимания, объективно задающей направленность акта осмысления и осмысленной предметности как результата этого акта.

Объект, находящийся на референциальном месте есть необходимая, как мы уже выяснили, первичная предметная данность, но еще не предмет. Он обретет предметные очертания, становясь «вещью для нас», в процессе осмысления, или типизации. В актах саморефлексии мы всегда можем отделить одно от другого, реагируя, «переживая» акт заново, но уже не изнутри, «живя в этом акте», а «снаружи», исследуя онтологию акта. Например, гуляя в сырую пасмурную погоду, я обнаруживаю впереди что-то, но ответить на вопрос «что это» не имею возможности. Я фокусирую свое внимание на этом объекте. Пока он для меня лишь — точка

внимания. Я пытаюсь рассмотреть объект как «первичную данность», и постепенно он обретает предметные очертания, я понимаю, идентифицирую его как человека. Для меня очевидно, как и для Гуссерля, что никакого удвоения действительности не происходило, но для меня также очевидно, что первичный объект как предметная данность, подвергнутая мной определенной когнитивной обработке, пред-стоял передо мной. Он вызвал мой исследовательский интерес и внимание и в этом смысле был «раньше» во времени, чем результат осмысления или идентификации в темпоральном акте осмысления. В акте саморефлексии я имею доступ к описанию темпорального переживания, которое произошло, хранится в моем сознании и в любой момент может быть реактивировано, представлено в качестве объекта исследования. Интенциональный объект Гуссерля есть *явление*, в понятии которого имплицитно содержится и то, *что* является, то есть вещь, и *способ*, каким постигается эта вещь сознанием.

Как я уже говорила, Гуссерль реанимирует кантовскую трансцендентную вещь, обосновывая ее в рамках редуцированного сознания. Для его семантики это означает появление объективных коррелятов смысловых значений языковых выражений. Для имен — это объекты, задающие направленность актов представления, для предложений — это реляционные ситуации, задающие направленность актов суждения. При этом следует иметь в виду, что объективные корреляты не являются характеристиками языка в строгом смысле, они суть понятия онтологии. Думаю, что не случайно Гуссерль мало внимания уделяет реляционной ситуации или объекту. Ответ на вопрос, *что* они собой представляют, означал бы лишение их референциального, всегда точечного статуса (*о чем*), фокуса нашего внимания и интереса, стимулирующего познание.

3. И все-таки Гуссерль!

Один из интереснейших и достаточно непростых вопросов, связанных с реконструкцией семантических идей Гуссерля, — это вопрос о референции выражений. Во втором томе

«Логических исследований» он замечает, что каждое выражение имеет свой *Bedeutung* по отношению к объектам, но объект никогда не совпадает с *Bedeutung*. Иллюзия их слияния возникает в силу специфических особенностей метода философствования Гуссерля, к которым добавляется и неявное соотнесение с позицией Фреге. Мохенти в (Mohanty, 1977: 21) замечает по этому поводу, что “не используя гуссерлевского понятия интенциональности, Фреге имел существенно отличное понятие об отношении между субъективной жизнью и объективными смыслами”. На фоне строгого фрегевского различия референта как предмета и смысла как способа данности (как иногда говорят, способа указания) предмета гуссерлевские идеи кажутся более неопределенными. По Гуссерлю, смысловое значение играет роль посредника между объектом и знаком. Значение оказывается способом существования интенционального объекта, “материей возможности быть реализованным в каждом конкретном акте означивания”. По Гуссерлю, выражение получает референцию к некоторому объекту только благодаря тому, что оно подразумевает (*Bedeutet*), и следовательно, про него можно справедливо сказать, что оно именуется объект через свое значение (*Bedeutung*). Одному значению соответствует ровно один объект, но одному объекту могут соответствовать несколько разных значений. Выражения «победивший под Йеной» и «побежденный под Ватерлоо» или «равносторонний треугольник» и «равноугольный треугольник» имеют разное значение, но именуют один предмет. Кроме того, возможны осмысленные (имеющее определенное значение) выражения, не имеющие референта. Еще раз заметим, что эти соображения сохраняют силу для семиотических концепций Гуссерля разных периодов его творчества.

Хорошо известно, что семантические взгляды Гуссерля претерпевали эволюцию. Уместно различать теорию смысла как видового, изложенную преимущественно в «Логических исследованиях» и более позднюю нозматическую теорию, представленную в «Идеях», но в любом варианте семантика Гуссерля оказывается когнитивно обусловленной, предназначенной для обоснования успешной коммуникации.

В теории смысла как видового он стремится обосновать смысл как то общее, что есть в сонаправленных актах означивания. Важно отметить, что смысловое значение конституируется в актах действительного схватывания предмета, критерием которого является очевидность. Кратко характеризуя концепцию смысла как видового, можно прийти к следующему заключению. Видовое есть общее в актах осмысления, рассмотренных со стороны их интенционального, или идеального содержания. Гуссерль пытается трактовать смысл через момент тождества актов. Такой подход позволяет ему представить процесс смыслоформирования как отнесение объектов (примеров) к категории (виду) на дереве значений на основании сходства их частей или периодов. Фактически это означает, что осмысление, идентификация объекта есть механизм отнесения его к имеющемуся в концептуальной сетке субъекта смыслу (виду). Если первичная данность предмета, являющаяся основополагающей в феноменологическом методе, представлена в исследованиях Гуссерля в явном виде, то первичная концептуальная данность как необходимый момент осмысления, имплицитно содержится в идее осмысления как отнесения к имеющемуся виду. Идея осмысления как процесса встраивания безусловно ставит вопрос о первичных базовых концептах, образующих вершину видовой древовидной структуры, описанной Гуссерлем в категорной грамматике. В современной науке она находит свою реализацию в поиске протоконцептов, семантических примитивов, лежащих в основании различных языков и обеспечивающих саму возможность коммуникации и понимания.

Идея смысла как видового получает свое развитие в “Картезианских размышлениях” при построении теории Alter ego в понятии аппрезентации. Гуссерль пытается показать, что отнесение к определенному типу на основе сходства сторон, частей, лежит в самом фундаменте познания и является универсальным, присущим не только человеку, способом освоения мира. Аналогизирующая апперцепция (аппрезентация) позволяет избежать бесконечного многообразия мира и является универсальным познавательным механизмом, лежащим в основании осмысления.

Следует признать, что когнитивный характер семантики Гуссерля выгодно отличает ее от логической семантической концепции Фреге. Различение референта как объекта направленности акта и осмысленной предметности как значения лингвистического выражения делает возможным не только использование идей Гуссерля для обоснования логики, но и применение их в широкой области когнитивных наук для моделирования процессов коммуникации, понимания, смыслоформирования и представления знания. Особенно актуальным становится обращение к феноменологии Гуссерля в связи с запросом на всестороннее изучение сознания, которое должно пролить свет на главный вопрос: что такое сознание.

Все это возвращает нас к поставленной в начале статьи проблеме соотношения данных от первого и третьего лица, феноменологически трансформирующейся в вопрос о коррелятивности идеального и реального. Именно феноменологический *meaning*, благодаря своей двойственной (*Bedeutung-Sinn*) природе обеспечивает искомую связь между идеальными смыслами (концептами как точками концептуальной сети) и реальными ментальными процессами (когнитивными актами), обеспечивающими ее существование. Феноменологический подход к исследованию сознания как онтологической сущности, состоящей из уже сформированных смысловых единиц, имеющих когнитивное основание, получает свое развитие в связи с исследованиями мозга как реального физиологического коррелята когнитивных процессов в современной нейронауке.

Литература

- Гуссерль, Э. (2001) *Логические исследования*. М: Гнозис: Дом интеллектуальной книги.
- Фоллесдаль, Д. (1988) 'Понятие ноэмы в феноменологии Гуссерля', *Методологический анализ оснований математики*, с. 62-68.
- Фреге, Г. (1997) *Избранные работы*, М.

- Block, N., Carmel, D., Fleming, S., Kentridge, R., Koch, C., Lamme, V., Lau, H. and Rosenthal, D. (2014) 'Consciousness science: real progress and lingering misconceptions', *Trends in Cognitive Sciences November*, vol. 18, no. 11, pp. 556-557.
- Dummett, M. (1973) *Frege: Philosophy of Language*, London: Duckworth, and Cambridge MA: Harvard University Press.
- Follesdal, D., (1958) *Husserl und Frege*, Oslo: I Kommissjon Hos. H. Aschehough and Co.
- Friedenberg, J. and Silverman, G. (2006) *Cognitive science: an introduction to the study of mind*, Sage Publications, Inc.
- Gallagher, S. and Zahavi, D. (ed.) (2008) *The Phenomenological Mind An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science*, Routledge.
- Kung, G. (1969) 'The role of language in phenomenological analysis', *American Philosophical Quarterly*, vol.VI, pp. 330-334.
- Kung, G. (1972) 'The world as noema and as referent', *Journal of the British Society for Phenomenology*, vol. III, pp. 15-26
- Mohanty J. (1977) Husserl's Theory of Meaning, in Elliston, F. and McCormick, P., (eds.) *Husserl: Expositions and Appraisals*, N-D.
- Mohanty, J. (1964) *Edmund Husserl's Theory of Meaning*, Den Haag, Nijhoff.
- Mohanty, J. (1988) 'The relevance of Husserl today', *Husserl Studies*, vol. 5, no. 3, pp. 219-233.
- Mulligan, K. and Smith, B. (1986) 'Husserl's Logical Investigations', *Grazer Philosophische Studien*, vol. 27, pp. 199-207.
- Ortiz, H. and Haddock, G. (2003) *Husserl or Frege? Meaning, Objectivity, and Mathematics*, Chicago and La Salle, Illinois.
- Schmicking, D. and Gallagher, S. (ed.) (2010) *Handbook of Phenomenology and Cognitive Science*, Springer Netherlands.

- Smith, B. (1978) 'Frege and Husserl: The Ontology of Reference', *Journal of the British Society for Phenomenology*, vol. 9, pp. 111-125.
- Smith, B. (1994) 'Husserl's Theory of Meaning and Reference', in Haaparanta L. (ed.) *Mind, Meaning and Mathematics. Essays on the Philosophy of Husserl and Frege*, Dordrecht/Boston/Lancaster, Kluwer, pp. 163-183.
- Stenning, K. and van Lambalgen, M. (2008) *Human reasoning and cognitive science*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Stillings, N., Weisler, S., Chase, C., Feinstein, M., Garfield, J. and Rissland, E. L. (1995) *Cognitive Science: An Introduction*, 2nd edition, Cambridge, MA: MIT Press.
- Vandavelde, P. (2008) 'An Unpleasant but Felicitous Ambiguity: Sinn and Bedeutung in Husserl's Revisions of the Logical Investigations', in Mattens, F. (ed.), *Meaning and Language: Phenomenological Perspectives*, Dordrecht: Springer, pp. 27-48.
- Varela, F. (1996) 'Neurophenomenology: A methodological remedy for the hard problem', *Journal of Consciousness Studies*, no. 3/4, p. 330.

Об авторе

Наталья Валентиновна Зайцева — кандидат филос. наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ВАБТ, natvalen@list.ru.

About author

Prof. Dr. *Natalia Zaitseva*, Department of Humanities and Social Science, Russian Foreign Trade Academy, natvalen@list.ru.